
Алла Варызгина

Ребекка Кей

ВОСПРИЯТИЕ БЕДНОСТИ В МАЛОМ ГОРОДЕ РОССИИ

В статье рассматриваются основные типы восприятия бедности. Типология основана на результатах исследования «Партисипаторный подход к снижению бедности: ситуация в малых городах России». Авторы показывают, что восприятие бедности субъективно, социально сконструировано и различно для разных категорий населения. Важно учитывать существование разных типов отношения к бедности, т.к. оно связано как с формальными определениями «степени нужды» и права на получение пособий и материальной поддержки, так и с неформальными, культурными представлениями о ней. Степень интегрированности малоимущих в социальную структуру, а также возможности, которые социальная инклюзия/эксклюзия открывает или закрывает от них, в значительной степени определяются восприятием бедности членами общества, смыслом, который люди вкладывают в понятия «респектабельности», «достоинства», «недостойности». Восприятие бедности и позиционирование бедных формируется под воздействием желания дистанцироваться от стигматизирующего образа. Это определяет интерпретацию ситуаций, что оказывает существенное влияние и на текущее положение семьи, и на возможность улучшить ситуацию в будущем.

Ключевые слова: восприятие бедности, типология, семья, достойные, недостойные, социальная эксклюзия

Алла Александровна Варызгина – аспирант кафедры экономической социологии, ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского, младший научный сотрудник совместной лаборатории ННГУ ИСЭПН РАН «Изучение качества жизни населения как основы социального управления», Нижний Новгород, Россия. Электронная почта: Varyzgina@mail.ru

Ребекка Кей – PhD, профессор Центра социальных и политических исследований, университет Глазго, Великобритания. Электронная почта: Rebecca.Kay@glasgow.ac.uk

Статья вносит вклад в исследование понимания бедности и отношения к этому явлению. Ее цель – выявить типы восприятия бедности, при которых понимание явления формирует, оказывает влияние на жизненную ситуацию семей и индивидов, находящихся на грани или за гранью бедности. Анализируются результаты международного проекта «Партисипаторный подход к исследованию бедности: ситуация в малых городах России», реализованного в малом городе Нижегородской области в ноябре 2011 г. (первый этап этого международного проекта был проведен в Нижнем Новгороде в 2010 г.¹). Было взято 18 глубинных интервью с членами семей, испытывающих материальные трудности, а также 17 полустандартизованных интервью с экспертами – представителями местной власти, социальной защиты населения, образования, здравоохранения, НКО и церкви.

Бедность является предметом изучения ученых разных специальностей среди которых не угасает дискуссия относительно ее определения, а также наиболее эффективного способа изучения. Ранние работы, посвященные этой тематике, основывались на понимании бедности как экономического явления, например, концепция бедности Бенджамина Роунтри (Rowntree 1901), в которой использовались абсолютные показатели измерения уровня бедности. Впоследствии она была оспорена исследователями, которые указывали на необходимость более глубокого изучения бедности, опыта проживания в этом состоянии, учитывая не только экономический, но и социальный, культурный аспекты (Beresford et al. 1999; Lister 2007; Римашевская 2001). Укрепляет позиции концепция относительной бедности (Townsend 1954), а концепция Амартии Сена (Sen 1985), предложившего рассматривать бедность через призму возможностей, несколько изменила направление исследований. Сен указал на то, что состояние бедности оказывает влияние на возможности индивида, ограничивает способы преодоления трудной жизненной ситуации, делает недоступными многие из них, что напрямую связано с проблемой построения эффективных стратегий преодоления бедности (Sen 1985; Deneulin, McGregor 2010).

Для научной дискуссии относительно феномена бедности как социально конструируемого и культурного явления характерны жаркие споры. Представленная Оскаром Льюисом в 1960-х гг. концепция «культуры бедности» оказала, возможно, непреднамеренное влияние на политичес-

¹ Международный исследовательский проект «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия», проведенный в 2010 г. объединенным международным коллективом в составе: Р. Кей (университет Глазго, Великобритания); А.-М. Сетре (университет Упсала, Швеция), сотрудников кафедры экономической социологии факультета социальных наук ННГУ под руководством профессора Н. Н. Ивашиненко и научно-исследовательский центр ЭОН под руководством Д. Г. Стрелкова. Второй этап проекта «Партисипаторный подход к исследованию бедности: ситуация в малых городах России» был проведен тем же исследовательским коллективом в 2011 г.

кие дебаты в США, сформировав идеологизированное восприятие бедности как патологии, передающихся в среде бедных от поколения к поколению дисфункциональных ценностей и стереотипов поведения (Goode, Maskovsky 2001: 10).

В рамках описанных концепций уделяется мало внимания структурным причинам бедности, проблеме ее воспроизводства. Эти теории также подвергаются критике за концентрацию внимания на негативных аспектах деятельности бедных, их пассивности, нежели на их политических и коллективных действиях (Goode, Maskovsky 2001: 14). Кроме того, эти теории способствовали разделению бедных на категории «заслуживающих» и «незаслуживающих», содействуя появлению критериев отнесения бедных к той или иной группе и что важно, их исключению из программ государственной поддержки (Fraser, Gordon 2002). Другие исследователи отмечают, что социальная политика России также вносит свой вклад в создание стигмы, к примеру, «неблагополучных семей» (Ярская-Смирнова 2010, 2013), «неполной семьи», где неполнота связана с отклонением от нормы, ущербностью и низким социальным статусом; о «неполных семьях» говорят в контексте бедности и нужды (Ярская-Смирнова, Романов 2004). Как указывает Лео Хау (Howe 1998), пагубным следствием процесса такой моральной категоризации является факт, что она была негласно воспринята теми, кто находится в трудной жизненной ситуации, специалистами, взаимодействующими с этими людьми по долгу службы, а также окружающими людьми. Анализ отношения к бедности важен для понимания как самой идеи социальной политики, так и ее воплощения на уровне конкретных исполнителей (см. Lipsky 1983), процесса понимания и восприятия того, как работает система социальной защиты населения, самими малоимущими.

В последнее время возросло число исследований, посвященных пониманию бедности и маргинальности в России и на постсоветском пространстве как в исторической перспективе, так и в современном контексте (Stephenson 2006; Khlinovskaya-Rockhill 2010). Основываясь на конкретных случаях и жизненных ситуациях, антропологические исследования проблем бедности и социальной помощи населению в сельской местности, выявили условия, при которых понимание, восприятие бедности и нужды оказывают влияние на формальные и неформальные способы ее преодоления, а также на спектр предоставляемых социальных услуг (Schwarz 2012; Kay 2011; Thelen et al. 2011).

Определение бедности

Результаты исследования показывают, что ни у населения, ни даже у экспертов, чья работа заключается в помощи по преодолению трудной жизненной ситуации, нет однозначного определения бедности, а также

представления о масштабах этого явления в родном городе. Экспертами высказываются лишь общие предположения, основанные на интуитивном восприятии ситуации: «*Вообще, материальный уровень в нашем городе низковатый*» (социальный педагог).

Респонденты признают недостаточным официальное определение бедности, основанное на региональном прожиточном минимуме и минимальной оплате труда, недостаточной для существования семьи. Некоторые эксперты не используют официальные определения, предпочитая обсуждать проблемы малоимущих, подбирая более общие понятия или описывая жизненные обстоятельства конкретной семьи, причем в их ответах прослеживается скрытая критика официальных способов определения уровня бедности:

Ну, официальная версия,— это люди, получающие зарплату ниже прожиточного минимума. Прожиточный минимум по территории Нижегородской области это где-то 5600 р. сейчас на работающего (представитель местной администрации).

Получается да (подхожу по критериям). Поскольку, я сейчас совсем ничего не получаю, у меня нет дохода, двое малолетних детей и муж с зарплатой 15 тыс. Если у нас где-то 6,5 тыс. должно выходить на человека по области, то мы уже за чертой бедности (предприниматель-юрист, не является получателем пособий).

Таблица.

Термины, используемые для описания людей или семей, находящихся в трудной жизненной ситуации

<i>Описание ситуации</i>	<i>Группы населения</i>
малообеспеченные	многодетные семьи
маленькие зарплаты	молодые семьи
те, кто живет хуже	неполные семьи
люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации	семьи, стоящие на учете в управлении соцзащиты
люди в бедственном положении	пожилые
доход не превышает величину прожиточного минимума	пенсионеры
люди в тяжелой ситуации	безработные
нуждающиеся	бомжи, бездомные
живут ниже нижней планки	пьяницы, алкоголики
нуждающиеся в помощи	погорельцы
семьи с низким достатком	
у кого много трудностей	
остро нуждающиеся	
трудная ситуация в семье	
за чертой бедности	
неблагополучные семьи	
плохо одетые	

Некоторые респонденты выражают несогласие с официальными определениями более явно, заявляя, к примеру, о том, что определение уровня бедности по абсолютным показателям устарело. Однако европейские критерии (границей бедности служит уровень дохода ниже 60% медианного дохода населения) (The poverty site) также экспертами не используются. Респонденты пытаются интуитивно определить черты, границы этого явления. Они приводят примеры из жизни соседей, ближайшего окружения, при этом не используя терминов «бедный», «бедность». Если эти понятия употребляются, то не по отношению к конкретному человеку, а в процессе разговора на общие темы («вопросы бедности»). Применительно к конкретным людям респонденты-эксперты чаще вспоминают официальный термин «малоимущие».

Эксперты и члены семей используют различные определения, описывающие жизненные обстоятельства человека (табл.), или в качестве синонима для слова «бедность» упоминают группы населения, воспринимаемые ими как бедные. При этом и эксперты, и семьи используют схожий понятийный аппарат.

Можно выделить четыре основные линии рассуждений, описания восприятия бедности: депривация потребления, беда, социальная опасность, стигма. Рассмотрим перечисленные типы более подробно.

Бедность как депривация потребления

Основная часть отражает восприятие бедности как тяжелое материальное положение, нехватка средств к существованию. Описывая состояние бедности через лишения в текущем потреблении, которые вынуждена испытывать малоимущая семья. Такое восприятие бедности созвучно депривационному подходу, согласно которому бедными считаются индивиды, чьё потребление не соответствует принятому в обществе стандарту, утратившие доступ к определённым набору благ и услуг. Главным в определении бедности через депривацию является то, что субъект оказывается лишенным чего-либо не по своему выбору, а в силу невозможности себе это позволить. Отделить выбор от ограничений возможно, предлагая респондентам альтернативу: «не пользуюсь, потому что не могу себе позволить» и «не пользуюсь, потому что мне это не нужно» (Давыдова 2003: 88–96). Другие исследователи (Овчарова, Римашевская 2001; Римашевская 2012) также говорят о том, что бедность не может быть измерена только по уровню дохода, но должна быть принята во внимание степень доступности товаров, услуг и возможностей.

Исследования подтверждают, что семьи, по уровню дохода стоящие на грани бедности, вынуждены экономить на питании, на одежде и обуви, приобретать товары низкого качества. Отмечалось, что такие семьи тратят меньше денег на отпуск, а то и вовсе не используют его. А стратегию экономии выбирает примерно половина опрошенных (Климова

2004). По мнению Амартии Сена (Sen 1985), ограниченные возможности вследствие сниженного потребления не только определяют текущие обстоятельства жизни человека, но и лимитируют возможности и ресурсы, необходимые для изменения ситуации в лучшую сторону.

Рассуждая о том, что могут позволить себе разные семьи, респонденты часто описывают бедные, с их точки зрения, семьи на основе сравнения с положением собственной семьи («у них хуже»). Стандартом в таком случае выступает собственная семья, воспринимаемая как «средняя», «обычная» (по объективным показателям она может быть на грани бедности), что типично для российского населения (Горшков 2013). При этом редко используются категории «богатый» («состоятельный», «обеспеченный»), «бедный», чаще констатируется факт, что «кто-то живет хорошо, а кто-то тяжело». Примечательно, что свою семью воспринимают как «среднюю», «нормальную», «обычную», даже если по уровню дохода она относится к категории малообеспеченных. Подобное нежелание отождествлять собственное положение с бедностью связано с ее восприятием как стигматизирующего образа, что и будет рассмотрено далее.

Бедность как беда

У значительной части респондентов бедность вызывает сочувствие, жалость. По данным некоторых исследователей такое отношение к бедности преобладает над неприязненным, презрительным отношением (Горшков 2013). Для них бедность это беда, в которую попадает человек по внешним, не зависящим от него обстоятельствам (такая сложилась ситуация в стране, дом сгорел, работу потерял). Подобное восприятие имеет глубокие корни в культуре (Теодорович 2009). В русском языке само слово «бедность» этимологически имеет один корень со словом «беда», что является в какой-то степени отражением представления о бедности. На раннем этапе постсоциалистических трансформаций отмечалось, что в странах, прошедших трансформацию государственного строя, бедные воспринимаются жертвами процесса, и то, что в их нищете виновата система, а не они лично, не вызывает сомнений (Falkowska 1997). Как показало наше исследование, бедность воспринимается, по крайней мере, в ряде случаев, как ситуация, которую индивид не в состоянии контролировать. Сокращение рабочих мест и нестабильность оплаты труда в результате закрытия крупных предприятий, к примеру, оценивается как факторы, сильно влияющие на жизнь в городе, причем довольно непредсказуемо:

Я думаю, наверное, как и везде проблемы. Во-первых, у нас два крупных предприятия было закрыто, то есть народ остался без работы и без выплаты (представитель администрации).

Наиболее яркие примеры бедности по вине внешних причин, приводимые жителями в процессе беседы, – семья, у которой сгорел дом, или семья, потерявшая кормильца вследствие нездоровья, развода или смерти. Оказавшиеся в подобной жизненной ситуации, вызывают сочувствие и нуждаются в помощи и поддержка часто организуется неформально. Потеря работы, в том числе в связи с сокращениями, также воспринимается как беда, причем как самого бывшего работника, так и его семьи (однако длительная безработица, особенно если человек при этом выпивает или употребляет наркотики, вызывает гораздо меньше сочувствия). А люди, потерявшие работу, как правило, автоматически становятся бедными.

Однако значительную часть бедных составляют (и это является отличительной, характерной чертой российской бедности) работающие, но получающие низкую заработную плату (так называемые «работающие бедные»), которые по статистике еще совсем недавно составляли около половины общего числа бедных в стране (Бобков и др. 2004: 40). Образ работающего бедного очень часто встречается в высказываниях экспертов и жителей города, что позволяет говорить о распространенности этого явления. Например, в процессе беседы при ответе на вопрос «Кого Вы считаете бедным?» люди, не задумываясь, перечисляют низкооплачиваемые категории работников (детских садов, школ и других работников бюджетной сферы, т.е. тех, кто является малоимущим не по своей вине, а по причинам, связанным с оплатой труда, экономической ситуацией в стране). Как отметил эксперт, социальный педагог школы: *«я знаю семьи, в которых работают с утра до вечера и не на одной работе, просто зарплаты мизерные и, соответственно, доход низкий»*. Приверженность низкооплачиваемой работе и нежелание ее менять отнюдь не считается признаком лени малоимущего человека, хотя фраза «малоимущие – не значит лентяи» говорит о том, что такое восприятие встречается не так уж редко. Эти утверждения совпадают с самовосприятием, самопрезентацией работающих бедных, которые не считают себя ленивыми или лично ответственными за то, что они оказались в трудной жизненной ситуации. Чаще они относят себя к «достойным бедным», занимающим скорее активную, чем пассивную жизненную позицию, т.к. имеют рабочее место и другие обязательства (Кау 2011; Howe 1998).

Бедность как социальная опасность

Для части респондентов бедность нечто угрожающее и опасное, закономерный результат различных форм девиантного поведения (алкоголизма, иждивенчества) человека или семьи и воспринимаются как близкие, родственные понятия. Малоимущие семьи алкоголиков, длительно безработных (как носителей иждивенческих позиций) приводятся в качестве основного примера бедных и воспринимаются как источник проблем

для общества, окружающих людей и организаций, вынужденных заниматься решением проблем таких семей. Помощь им воспринимается как вынужденная и не заслуженная, как бремя для общества и государства:

Алкоголизм связан очень тесно с бедностью... Если брать самого алкоголика, то он обычно уже потерял работу, живет на краю бедности, если уже не на дне этой бедности. Это часто люди безработные (психолог некоммерческой организации).

Высказывания респондентов, описывающие бедность как болезнь (иногда даже говорят о риске ее распространения), беду общества, во многом совпадают с концепцией Оскара Льюиса о культуре бедности, передающейся от поколения к поколению (Lewis 1966). Респонденты, приводя примеры, обращают внимание на механизм трансляции ценностей, стереотипов поведения от родителей к детям, в данном случае, работающий не на благо детей:

И ребенок не приучен, с детства он не видит работающих родителей, перед ним нет примера... малоимущие дети – они не трудяги, они работать не могут и не хотят изначально... малоимущие дети – лентяи, потому они и малоимущие (мама из малоимущей семьи о более бедных семьях).

Интересна и позиция женщины, получающей поддержку в благотворительной организации: она мало говорила о трудностях и постоянно подчеркивала, что не является бедной (что воспринимается как девиация, достойная осуждения), но ее внешний вид и описание семьи, данное главой благотворительной организации, говорили о стесненных условиях жизни. Более того, если понятие бедности стигматизировано, и трудное финансовое положение расценивается как проблема малоимущей семьи или, что еще хуже, воспринимается как угроза для общества, повышается желание человека, семьи дистанцироваться от этой категории, что и подтверждают две последние цитаты.

Бедность как стигма

Как показывает предыдущий пример, индивиды стремятся дистанцироваться от образа бедного, и даже те, кто сочувственно относится к бедным, малоимущим, не хочет выглядеть как часть этой группы. Многие респонденты, принявшие участие в обсуждении проблемы бедности в их городе, в заключение говорили, что сами они не бедные, акцентируя внимание на том, что они не имеют с малоимущими ничего общего. По словам жителей, признание статуса бедного для большинства психологически сложно:

Наверно, они просто себя так не будут называть. Вот я себя так не называю, потому что не хочется, во-первых, быть в такой категории (многодетная мать из малообеспеченной семьи).

Даже те, кто открыто говорит о финансовых сложностях своей семьи, избегают называть себя «бедными» в силу негативной коннотации этого понятия, объясняя, что это может повлечь за собой отстраненное отношение окружающих, а в дальнейшем привести к социальной изоляции и к другим проблемам. Наиболее ярко это заметно в детских коллективах:

Видно как дети относятся к малоимущим детям... «Не садись рядом с нами» (руководитель детского клуба, молодая мама в разводе, живет с родителями).

Часто заметно нежелание малообеспеченных и уязвимых в финансовом отношении семей принимать помощь, если при этом они должны принять на себя ярлык «бедного». Что проявилось во время первого этапа исследования, когда жители Нижнего Новгорода интервьюировались в городских Центрах социальной защиты населения. Было отмечено нежелание нижегородцев говорить о пособиях, право на получение которых зависит от отнесения человека к числу «нуждающихся», «малообеспеченных», «бедных». В противоположность этому, вопрос о праве на пособия определенным категориям населения (к примеру, детские пособия до 1,5 лет, пенсии, выплаты ветеранам) вне зависимости от уровня материального благосостояния, обсуждался вполне открыто и непринужденно (Ивашиненко 2011; Варызгина 2012). Похожая ситуация наблюдалась и при проведении второго этапа исследования. Респонденты выражали смешанное отношение к получению пособий. С одной стороны, некоторые из явно нуждающихся семей (что видно по обстановке в доме, числу иждивенцев, проблемам со здоровьем и т.д.) настороженно относятся к вопросу получения пособий или возможности оказания помощи (к примеру, в виде подержанной детской одежды или талонов на бесплатное горячее питание для детей), настаивая на том, что они «сами могут одеть и накормить своих детей». С другой стороны, респонденты, описавшие свою сложную финансовую ситуацию, но представившие свою семью как «достойную», «заслуживающую» (в силу трудоустроенности или семейного статуса), были более открыты и не стеснялись обсуждать вопрос получения положенных им пособий и материальной помощи. Так, молодая мать, вернувшаяся с малолетним сыном к своим родителям после развода (формирование расширенной семьи является одной из стратегий выживания (Ярская-Смирнова, Романов 2004)), рассказала, что оформляет пособия на ребенка, даже несмотря на то, что размер пособия невелик:

Мы получаем пособие – 100 рублей, меня это смешит, до боли. Из-за 100 рублей собирать кипу справок и доказывать, что ты действительно нуждаешься... К нам приходили работники собесов сюда, они смотрели наши жилищные условия, действительно ли мы так плохо живем. Мы говорили, что мы живем раздельным хозяйством, у них сразу вопрос возник: «У Вас 2 холодильника?» Ага, один родительский, а другой, когда замуж выходила, родители мои покупали, дарили на свадьбу.

Естественно, когда я ушла холодильник с собой забрала. Холодильник у нас стоит, и когда они приехали, мы его включили, набили продуктами. Уж не знаю, поверили они или не поверили. Но я Вам всё говорю честно, как на духу (одинокая мама, живет с родителями).

Этот эпизод интересен тем, что показывает, с одной стороны, желание получить пособие, с другой стороны, демонстрирует неопределенность и унижительность этого процесса. Наличие нескольких холодильников является свидетельством двух независимых домохозяйств, несмотря на проживание в одном доме, но «набитые продуктами» холодильники демонстрируют определенный уровень «достойности», способности обеспечить себя самостоятельно, что может служить более убедительным доказательством «заслуженности», чем острая нужда.

В то же время нежелание малоимущих оформлять пособия, положенные им по статусу или уровню дохода, расценивается как доказательство их пассивности и лени, отказ от поиска выхода из сложившейся ситуации, возможности быть «достойным» поддержки. Такая позиция подвергается критике со стороны респондентов:

Сейчас даже работаем с семьями, в которых знаем, что доход небольшой, но в соцзащиту для оформления пособия им сходить просто лень. Они ссылаются на занятость, но зная эти семьи, понимаем, что просто лень собрать необходимые документы и встать на учет. С таким мы тоже сталкиваемся. Хотя непьющие, ничего, просто никак (социальный педагог школы).

Если человек не хочет, его, как ни толкай, он все равно ничего делать не будет. Такие семьи тоже есть, знаем. Кому-то лень, кто-то не верит, что им все это дадут. Все зависит от характера, от настойчивости, от умения ставить цели и их добиваться (молодая мама).

Итак, малообеспеченные семьи (особенно остро нуждающиеся семьи), находящиеся в социальной изоляции, оказываются в сложно преодолимой, парадоксальной ситуации. Образ «достойного» формируется при условии, что демонстрируется активность, уверенность в себе, присутствие силы воли, доказательства способности обеспечить себя самостоятельно. Те люди, которые чувствуют, что не в состоянии соответствовать этому образу и отказываются от взаимодействия со структурами социальной защиты населения (или избегают достижения целей, если это может привести к нежелательному контролю над ними и их семьями), подвергаются критике и могут быть обвинены в пассивности и лени, автоматически попадают в категорию «недостойных».

Заключение

В данной статье рассмотрена типология восприятия бедности, основанная на исследовании, проведенном в малом городе России. Восприятие

бедности субъективно, социально сконструировано и отличается у разных категорий населения. Важно учитывать существование нескольких типов восприятия бедности, т.к. оно связано как с формальными определениями «степени нужды» и права на получение пособий и материальной поддержки, так и с неформальными, культурно фундированными представлениями о бедности.

При получении малоимущими доступа к формальной и неформальной помощи степень их включенности в социальную структуру, окружение, а также возможности, которые социальная инклюзия или эксклюзия открывает или закрывает им, в значительной степени определяются восприятием бедности членами общества, смыслом, который люди вкладывают в понятия «респектабельности», «достоинства», «недостойности».

Люди «эгоцентричны» при оценке степени бедности, они отталкиваются от собственного уровня обеспеченности, оценивая других как «живущих лучше» и «живущих хуже». И кроме того, склонны оценивать качество жизни окружающих избегая эпитетов-маркеров «богатый», «бедный».

Восприятие бедности и позиционирование (включая «самопрезентацию») бедных формируется под воздействием четко выраженного желания дистанцироваться от стигматизированного образа, осуждения и порицания. Кроме того, важно отметить, что это определяет интерпретацию ситуаций, к примеру, с потреблением или получением пособий, которые оказывают существенное влияние и на текущее затруднительное положение семьи, и на возможности улучшить ситуацию в будущем.

Список источников

Бобков В. Н., Зинин В. Г., Разумов А. А. *Политика доходов и заработной платы. Доклад в рамках проекта МОТ «Преодоление бедности, содействие занятости и местное экономическое развитие в Северо-Западном федеральном округе*. М., 2004 // <http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/areas/gender/events/textwagesdeskus.pdf> (дата обращения: 20.05.2014).

Варызгина А. А. Стратегии преодоления бедности семьями с детьми: взаимодействие с службами социальной защиты населения // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Социальные науки*. 2012. 2 (26): 15–21.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П. и др. *Аналитический доклад «Социальное неравенство в социологическом измерении»* Подготовлен в сотрудничестве с Горбачев-Фондом и Национальным Инвестиционным Советом. Москва, 2006 // http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Soc_neravenstvo.pdf (дата обращения: 15.03.2014).

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П. и др. *Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя»*. Москва, 2013 // http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf (дата обращения: 15.03.2014).

Ивашиненко Н. Н. Диагностика потенциала внедрения механизма общественного участия для преодоления бедности: модели и реальность // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки*. 2011. 1 (21): 23–32.

Ивашиненко Н. Н. Обзор по результатам международной научно-практической конференции «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия». Нижний Новгород 24 ноября 2010 // *Народонаселение*. 2011. 1 (51): 63–65.

Климова С. Работающие бедные в России – парадоксальная закономерность? // *База данных ФОМ*. 2004 // http://bd.fom.ru/report/cat/poor_workers/d041435 (дата обращения: 21.08.2014).

- Овчарова Л. Н., Римашевская Н. М. *Предложения к стратегии содействия сокращения бедности в России: анализ и рекомендации*. Москва, 2001 // www.ilo.org/public/russian/region/europro/moscow/info/.../тер_ru_edit.pdf (дата обращения: 20.08.2014).
- Римашевская Н. М. (ред.) *Региональные особенности уровня и качества жизни: Монография*. М., 2012.
- Теодорович М. Л. *Бедность как социальная проблема: стратегический подход: Монография*. Нижний Новгород, 2009.
- Ярошенко С. С. Бедные в социальной стратификации постсоветской России // *Рубеж (альманах социальных исследований)*. 1998. (12): 158–174.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // *Мир России*. XIII. 2004. (2): 66–95.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Класс и гендер в дискурсе социального государства // *Отечественный журнал социальной работы*. 2013. (1): 87–96.
- Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. (2): 14–25.
- Beresford P., Green D., Lister R., Woodard K. *Poverty First Hand: Poor People Speak for Themselves*. London: CPAG, 1999.
- Deneulin S., McGregor J. A. The Capability Approach and the Politics of a Social Conception of Wellbeing // *European Journal of Social Theory*. 2010. 13 (4): 501–519.
- Falkowska M. *Spoleczna definicja biedy, jej zasięg i przyczyny*. Warszawa, 1997. Цит. По Студенна М. Проблема социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе на примере польских и украинских центров угольной промышленности // *История и современность*. 2010. 1 (11): 190–202.
- Fraser N., Gordon L. A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // E. F. Kittay, E. K. Feder (eds.) *The Subject of Care: Feminist Perspectives on Dependency*. Oxford: Rowman and Littlefield, 2002: 14–39.
- Goode J., Maskovsky J. (eds.) *New Poverty Studies: The Ethnography of Power, Politics, and Impoverished People in the United States*. New York: New York University Press, 2001.
- Howe L. Scrounger, Worker, Beggarman, Cheat: the Dynamics of Unemployment and the Politics of Resistance in Belfast // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1998. (3): 531–550.
- Kay R. (Un) caring Communities: Processes of Marginalization and Access to Formal and Informal Care and Assistance in Rural Russia // *Journal of Rural Studies*. 2011. 27 (1): 45–53.
- Khlinovskaya-Rockhill E. *Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. Oxford and New York: Berghahn Books, 2010.
- Lewis O. The Culture of Poverty // *Scientific American*. 1966. 215 (4): 19–25.
- Lipsky M. *Street Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation, 1983.
- Lister R. From Object to Subject: Including Marginalized Citizens in Policy Making // *Policy & Politics*. 2007. 35 (3): 437–455.
- Rowntree B. S. *Poverty: A Study of Town Life*. London: Macmillan, 1901.
- Sen A. *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland, 1985.
- Stephenson S. *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Aldershot: Ashgate, 2006.
- The Poverty Site: *Relative Poverty, Absolute Poverty and Social Exclusion* // <http://www.poverty.org.uk/summary/social%20exclusion.shtml> (дата обращения: 15.10.2014).
- Thelen T., Dorondel S., Szöke A., Vettters L. The Sleep Has Been Rubbed from Their Eyes: Social Citizenship and the Reproduction of Local Hierarchies in Rural Hungary and Romania // *Citizenship Studies*. 2011. 15 (3–4): 513–529.
- Townsend P. Measuring Poverty // *British Journal of Sociology*. 1954. (5): 130–137.

PERCEPTIONS OF POVERTY IN SMALL RUSSIAN TOWNS

Alla Varyzgina, Rebecca Kay

The paper reviews some of the perceptions and categorizations of poverty discovered through a study of participatory approaches to poverty reduction in provincial Russia. It draws on theorizations of poverty as a subjective reality which is socially constructed and perhaps differently perceived by different subsections of the population. The paper argues that perceptions of poverty matter because they feed into both formal categorizations of need and entitlement to assistance or support. They also involve more informal, cultural understandings of impoverishment that may be morally and emotionally inflected. The authors show that perceptions of poverty are subjective, socially constructed, and vary for different categories of the population. It is important to take into account the existence of different types of poverty perception, as it is associated with both the formal definitions of "power needs", the right to receive benefits and financial support and the informal, cultural perceptions of poverty. As such, poor people's access to support, both formal and informal, the extent of their inclusion in wider social structures and environments and the capabilities these forms of inclusion or exclusion create for them are to some degree determined by perceptions of poverty, the attribution of responsibility and blame and concepts of deservingness and respectability. Perceptions of poverty and the positioning of the poor are influenced by their own explicit desire to distance themselves from the stigmatized image of the poor. This determines the interpretation of the situation and has a significant impact on the current hardships of the family and its capability to improve its situation in the future.

Keywords: perceptions of poverty, categorization, families, deserving, undeserving, social exclusion.

References

- Beresford P., Green D., Lister R., Woodard K. (1999) *Poverty First Hand: Poor People Speak for Themselves*, London: CPAG.
- Bobkov V.N., Zinin V.G., Razumov A.A. (2004) *Politika dokhodov i zarabotnoy platy. Doklad v ramkakh proekta MOT "Preodolenie bednosti, sodeystvie zanyatosti i mestnoe ekonomicheskoe razvitiye v Severo-Zapadnom federal'nom okruge"* [Incomes and Wages Policy. Report of the ILO Project "Overcoming Poverty, Promoting Employment and Local Economic Development in the North-West Federal District"]. Available at: <http://goo.gl/OlZQgj> (accessed: 20 May 2014).
- Deneulin S., McGregor J.A. (2010) The Capability Approach and the Politics of a Social Conception of Wellbeing. *European Journal of Social Theory*, 13 (4): 501–519.
- Falkowska M. (1997) *Spoleczna definicja biedy, jej zasięgi i przyczyny*. Warszawa: CBOS
- Fraser N., Gordon L. A. (2002) Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State. E. F. Kittay, E. K. Feder (eds.) *The Subject of Care: Feminist Perspectives on Dependency*, Oxford: Rowman and Littlefield: 14–39.
- Goode J., Maskovsky J. (eds.) (2001) *New Poverty Studies: The Ethnography of Power, Politics, and Impoverished People in the United States*. New York: New York University Press.
- Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Lezhnina Yu. P. i dr. (2006) *Analiticheskiy doklad "Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskom izmerenii" Podgotovlen v sotrudnichestve s Gorbachev-Fondom i Natsional'nyim Investitsionnym Sovetom* [An Analytical Report on "Social Inequality in the Socio-

Alla A. Varyzgina – PhD student of the Department of Economic Sociology, researcher of UNN-ISEPN RAN joint Laboratory for Study the population's quality of life as a basis of the social management, Nizhni Novgorod, Russian Federation. E-mail: Varyzgina@mail.ru

Rebecca Kay – PhD, professor of School of Social and Political Studies, University of Glasgow, UK. E-mail: Rebecca.Kay@glasgow.ac.uk

- logical Dimension" Prepared in Cooperation with the Gorbachev Foundation and the National Investment Council]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Soc_neravenstvo.pdf (accessed: 15 March 2014)
- Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Lezhnina Yu. P. i dr. (2013) *Analiticheskiy doklad "Bednost' i neravenstva v sovremennoy Rossii: 10 let spustya"* [Analytical Report "Poverty and Inequality in Modern Russia: 10 Years Later]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf (accessed: 15 March 2014).
- Howe L. (1998) Scrounger, Worker, Beggarman, Cheat: the Dynamics of Unemployment and the Politics of Resistance in Belfast. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, (3): 531–550.
- Ivashinenko N. N. (2011) Diagnostika potentsiala vnedreniya mekhanizma obschestvennogo uchastiya dlya preodoleniya bednosti: modeli i real'nost' [Diagnosis of Implementation of Participatory Mechanism for Poverty Reduction: Models and Reality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki* [Vestnik Of Lobachevsky State University Of Nizhni Novgorod], 1 (21): 23–32.
- Ivashinenko N. N. (2011) Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiyai "Partisipatornyy podkhod k snizheniyu bednosti: mekhanizm obschestvennogo uchastiya", Nizhniy Novgorod 24 noyabrya 2010 [International Scientific Conference "A Participatory Approach to Poverty Reduction: Through the Mechanism of Public Participation"]. *Narodonaselenie* [Population], 1 (51): 63–65.
- Kay R. (2011) (Un) caring communities: Processes of marginalization and access to formal and informal care and assistance in rural Russia. *Journal of Rural Studies*. 27 (1): 45–53.
- Khlinovskaya-Rockhill E. (2010) *Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*, Oxford: Berghahn Books.
- Klimova S. (2004) Rabotayushchie bednye v Rossii – paradoksal'naya zakonomernost'? [The Working Poor in Russia – a Paradoxical Pattern?]. *Baza dannykh FOM* [FOM Database]. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/poor_workers/d041435 (accessed: 21.08.2014).
- Lewis O. (1996) The Culture of Poverty. *Scientific American*. 1966. 215 (4): 19–25.
- Lipsky M. (1983) *Street Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*, New York: Russell Sage Foundation.
- Lister R. (2007) From object to subject: including marginalized citizens in policy making. *Policy & Politics*, 35 (3): 437–455.
- Ovcharova L. N., Rimashevskaya N. M. (2001). *Predlozheniya k strategii sodestviya sokrashcheniya bednosti v Rossii: analiz i rekomendatsii* [Proposals for a Strategy to Facilitate the Reduction of Poverty in Russia: Analysis and Recommendations.]. Available at: www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/.../rep_ru_edit.pdf (accessed: 20.08.2014).
- Rimashevskaya N. M. (red.) (2012) *Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional Features of the Level and Quality of Life], Moscow: OOO "M-Studio".
- Rowntree B. S. (1901) *Poverty: A Study of Town Life*, London: Macmillan.
- Sen A. (1985) *Commodities and Capabilities*, Amsterdam: North-Holland.
- Stephenson S. (2006) *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*, Aldershot: Ashgate.
- Teodorovich M. L. (2009) *Bednost' kak sotsial'naya problema: strategicheskii podkhod* [Poverty as a Social Problem: A Strategic Approach], Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo nizhegorodskogo gosudarstvennogo univ. The poverty site: *Relative poverty, absolute poverty and social exclusion*. Available at: <http://www.poverty.org.uk/summary/social%20exclusion.shtml> (accessed: 15 October 2014).
- Thelen T., Dorondel S., Szöke A., Veters L. (2011) The sleep has been rubbed from their eyes: social citizenship and the reproduction of local hierarchies in rural Hungary and Romania. *Citizenship Studies*, 15 (3–4): 513–529.
- Townsend P. (1954) Measuring Poverty. *British Journal of Sociology*, (5): 130–137.
- Varyzgina A. A. (2012) Strategii preodoleniya bednosti sem'yami s det'mi: vzaimodeystvie s sluzhбами sotsial'noy zashchity naseleniya [Strategies of overcoming poverty in families with children: working with social services agencies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo: Seriya Sotsial'nye nauki* [Vestnik Of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2 (26): 15–21.
- Yaroshenko S. S. (1998) Bednye v sotsial'noy stratifikatsii postsovetsoy Rossii [The Poor in the Social Stratification of Post-Soviet Russia]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Frontier (Almanac for Social Research)], 12: 158–174.
- Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2004) Sotsial'naya zashchishchennost' gorodskoy monoroditel'skoy sem'i [Social Protection of the Urban Single-Parent Families]. *Mir Rossii* [World of Russia], XIII (2): 66–95.
- Yarskaya-Smirnova E. R. (2013) Klass i gender v diskurse sotsial'nogo gosudarstva [Class and Gender in the Discourse of the Social State]. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty* [National Journal of Social Work], 1: 87–96.
- Yarskaya-Smirnova E. R. (2010) "Da-da, ya vas pomnyu, vy zhe u nas neblagopoluchnaya sem'ya!" Diskursivnoe oformlenie sovremennoy rossiyskoy semeynoy politiki ["Yes, I remember you, You're from a Dysfunctional Family!" The Discursive Design of Modern Russian Family Policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve* [Women in Russian Society], 2: 14–25.